

Круг света от настольной лампы сжимался на тетрадном листе в бледное пятно. Су Ваньвань устала на последнюю задачу из математического теста, карандаш оставлял на черновике беспорядочные штрихи. За окном моросил осенний дождь, капли змеились по стеклу, размывая огни соседнего корпуса естественных наук в туманные блики.

— Час пробил, — маленький будильник на столе показал половину двенадцатого.

Экран смартфона внезапно загорелся: в их общей группе из четырех человек пришло сообщение от Линь Юэ: Кэсинь купила такояки, все бегом сюда! @все.

Пальцы Су Ваньвань на мгновение замерли над клавиатурой, но затем она погасила экран.

Десять минут назад она собственными глазами видела, как Чжан Кэсинь с пакетами из доставки входила в общежитие вместе с Лю Сюань и остальными. Их звонкий смех прорезал пелену дождя, не умолкая даже под строгими окриками вахтерши.

— Третий вопрос... — она заставила себя вернуть внимание к тетради, но буквы в формулах пустились в пляс. На прошлой неделе, после еженедельной контрольной, она вылетела из тридцатки лучших, и классный руководитель, господин Ли, специально вызвал её в кабинет, чтобы бросить: — Некоторым ученикам не стоит расслабляться, достигнув лишь малейшего успеха.

Карандаш с сухим щелчком сломался о черновик. Су Ваньвань вдруг вспомнила, как два месяца назад, поздней ночью, когда она не могла решить задачу, Чжан Кэсинь высовывалась из-под одеяла и шепотом говорила: Ваньвань — самая лучшая. Линь Юэ бросала ей пачку печенья в форме мишек, а Чэнь Юйцин молча подсовывала подсказку с ходом решения.

Теперь же все её вопросы могли раствориться лишь в тени, отбрасываемой настольной лампой.

В субботу утром класс был пропитан запахом типографской краски — Су Ваньвань раздавала свежее отпечатанные выпуски литературного кружка. Проходя мимо задних парт второго ряда, она слышала приторный голос Лю Сюань:

— Юэ-Юэ, какая у тебя красивая заколка!

— Правда? Это подарок от Кэсинь на день рождения! — Линь Юэ тряхнула головой, и стразы на заколке ослепительно сверкнули в лучах утреннего солнца.

У Су Ваньвань вдруг онемели кончики пальцев. Она вспомнила, как две недели назад, проходя мимо магазина подарков, Линь Юэ указала на витрину: Как же я хочу такую. В тот день Су Ваньвань пришла в школу на полчаса раньше, потратив все карманные деньги, которые копила три месяца, на красивую подарочную коробку, которую она тайком подложила в парту Линь Юэ.

— Ваньвань! — Чжан Кэсинь внезапно хлопнула её по плечу. — У меня на следующей неделе день рождения, я забронировала кабинку в караоке, ты обязательно должна прийти!

Су Ваньвань натянуто улыбнулась, глядя, как Лю Сюань прикалывает к волосам Линь Юэ вторую заколку. Та розовая коробочка сейчас наверняка пылится на самом дне шкафчика Линь Юэ, разделяя участь прошлогоднего альбома ручной работы, которому так и не суждено было быть открытым.

Когда она раздала последний экземпляр, Чжао Минъюань вдруг сказал:

— У тебя сильные тени под глазами.

— Правда? — она машинально коснулась лица. — В последнее время поздно ложусь.

— Нужны конспекты? — Чжао Минъюань протянул ей папку. — Здесь самое важное с урока математики.

Су Ваньвань только хотела поблагодарить, как с задних парт донесся взрыв смеха. Лю Сюань подняла телефон, на экране красовалось фото Чжоу Чэня на баскетбольной площадке:

— Кэсинь, смотри, он до сих пор носит ту форму, которую ты ему подарила!

Голос Чжан Кэсинь звучал с наигранной легкостью:

— Давно забыла. Сейчас мне кажется, что синий цвет ему совсем не идет.

Су Ваньвань впилась ногтями в переплет журнала. Она внезапно осознала, что в этом соревновании под названием забывчивость проигравшей стала именно она.

В день объявления результатов контрольной Су Ваньвань долго стояла перед списком. 105-е место зияло, словно уродливый шрам, делая все её старания за последние три месяца нелепыми. Осенний ветер гнал по коридору сухие листья, и она услышала за спиной знакомые шаги.

— Ваньвань... — это был голос Чжан Кэсинь.

Су Ваньвань не обернулась и направилась прямо к выходу. Она пересекла спортплощадку, обошла играющего в баскетбол Чжоу Чэня и дождалась последнего автобуса на остановке. Неоновые огни за стеклом расплывались в дожде, напоминая ту самую розовую коробку, брошенную в шкафчике.

Стоило ей открыть дверь дома, как её окутало тепло и запах шерстяного свитера. Мать вязала ту самую бледно-лиловую вещь, которую начала три месяца назад, а на журнальном столике стоял её любимый десерт из рисовых шариков.

— Мам... — слезы Су Ваньвань хлынули потоком. — Я провалила экзамен...

Руки матери замерли со спицами. Она не стала спрашивать почему, а лишь тихонько похлопала по месту на диване рядом с собой. Су Ваньвань свернулась калачиком в объятиях, пахнущих кондиционером для белья, и впервые выговорила всё, что накопило: забытый подарок, общие чаты, где для неё не находилось места, и спины трех подруг, которые становились всё дальше.

— В прошлом месяце, когда я разбирала вещи к сезону, — внезапно сказала мать, — я нашла это в твоём шкафу.

Она встала и принесла из спальни жестяную коробку. В ней аккуратно лежали гербарий из четырехлистного клевера, корешки билетов в кино и выцветшие полароидные снимки. Су Ваньвань коснулась воспоминаний: совместное фото с соревнований, где они вчетвером прятались под одним полотенцем, записки с поддержкой, которые они писали друг другу во время зимних сборов, и даже поздравление, которое Чэнь Юйцин составила с помощью химических формул...

— Посмотри на этот клевер, — мать указала на самый старый засушенный листок. — Ты тогда в восторге звонила мне и кричала, что нашла четырехлистник и хочешь сделать из него оберег для трех подруг.

— Но теперь... — слезы Су Ваньвань намочили улыбающееся лицо Чжан Кэсинь на фотографии.

— Ваньвань, — мать бережно набросила на неё свитер. — Некоторые друзья — как сакура весной: цветут ярко и бурно, но если они осыпались, не стоит жалеть. Настоящему клеверу не нужно собирать четыре листа, он прекрасен, когда вырастает цельным растением.

Под лампой недовязанный свитер отливал нежным фиолетовым цветом. Су Ваньвань вдруг заметила, что у матери прибавилось седины. Она задумалась, не ошиблась ли она сама.

Утреннее солнце в понедельник окрасило стекла класса. На своей парте Су Ваньвань обнаружила записку: Хочешь попробовать поучаствовать в конкурсе чтецов от литературного кружка? — Чжао Минъюань.

Она подняла взгляд на правую сторону: Чжао Минъюань обсуждал задачу с представителем класса по физике, и утренний свет подчеркивал его точеный профиль. Ей не показалось — кончики его ушей слегка покраснели.

В обеденный перерыв Су Ваньвань впервые зашла в читальный зал на последнем этаже. Солнечные лучи проливались сквозь стеклянный купол, расстилая золотую реку по дубовому столу. Она открыла Сборник стихов и на чистой странице переписала первую строчку: Если ты будешь плакать из-за того, что упустил солнце, то ты упустишь и звезды.

— Здесь свободно? — знакомый голос раздался над головой.

Су Ваньвань подняла глаза и увидела Чжао Минъюаня с толстым томом Всемирной истории в руках. В его глазах за стеклами очков плясали смешинки. Он непринужденно сел напротив и достал из сумки два апельсина:

— Витамин С, чтобы улучшить память.

Осеннее солнце прыгало по страницам книг. Су Ваньвань вдруг заметила, что почерк Чжао Минъюаня совсем не аккуратный, а некоторые штрихи даже напоминают размашистую скоропись. Когда он чертил для неё временную шкалу исторических событий, его пальцы иногда касались бумаги — от этого тепла ей вспомнился тихий шорох шерстяной нити, когда мать вязала свитер.

После уроков Линь Юэ перехватила её в коридоре:

— Сегодня вечером день рождения Кэсинь...

— Я иду в библиотеку, — Су Ваньвань качнула Сто лет одиночества в руках. — Передай ей мои поздравления.

В тот момент, когда она развернулась, она услышала тонкий голос Лю Сюань: Некоторые люди просто не умеют быть в коллективе... Но в этот раз она не остановилась.

Когда прозвенел звонок, возвещающий об окончании вечернего самоподготовки, Су Ваньвань как раз заканчивала историческую задачу. Класс постепенно пустел, и в конце концов осталась гореть только её лампа. Чжао Минъюань перед уходом оставил ей пачку миндального шоколада, на обертке которой был неумело нарисован четырехлистный клевер.

Когда она собирала сумку, из страниц книги выпала записка: Сегодня проходил мимо спортплощадки и увидел, как ты переписываешь стихи в читальном зале. Ты сияешь ярче любого клевера. — Какой-то глупец, который не осмелился подписаться.

Су Ваньвань вложила записку в Сборник стихов и заметила, что свитер, который вязала мать, уже готов. Бледно-лиловая шерсть мягко обволакивала её, словно она надела на плечи всё звездное небо.

Проходя мимо доски объявлений, она увидела, что список результатов контрольной холодно

мерцает в лунном свете. Имя Су Ваньвань скромно значилось в самом конце, но она вдруг вспомнила слова матери: настоящему клеверу не нужно искусственно собирать четыре листа.

Ветер на крыше учебного корпуса принес прохладу ранней зимы. Су Ваньвань смотрела на огни далекого корпуса естественных наук. Тот смех, что когда-то причинял ей боль, теперь стал лишь размытым фоном, а в её собственном мире свет звезд разгорался всё ярче — из страниц книг, из течения истории и из записки, подписанной тем, кто побоялся оставить своё имя.

<http://bllate.org/book/18532/1782476>